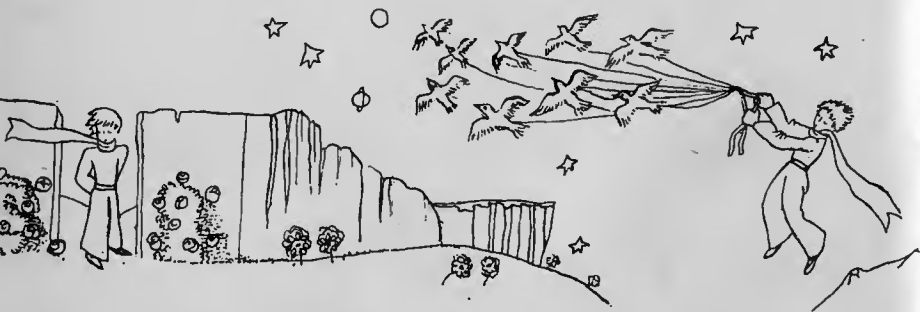


ДЕСЯТЬ МИНУТ НАДЕЖДЫ

Сценическое раздумье
в двух частях
о том,
как умирают
антуаны де сент-экюпери
и рождаются
маленькие принцы



ДЕЙСТВУЮТ

Эл — французский летчик, поэт, 44 года.

Дигби — женщина лет 35-ти.

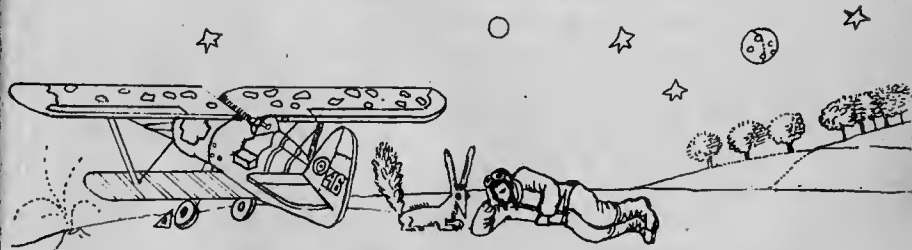
Джинн Эй — девочка с копной пшеничных волос лет 16—17-ти.

Нищий.

Рыжий официант.

Немецкий летчик-истребитель, ровесник Эла.

Время действия — XX век.



ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

процесса процесса — цельности
процесса ~~цели~~
серьез. и нест.

По всему пространству сцены скупо разбросана мебель, не составляющая единого интерьера: бюро, кресло, столик уличного кафе и т. д.

Однажды появившись на сцене, действующие лица остаются на ней до конца.

Эл, Дигби. Укладываясь в дорогу, Эл начинает что-то искать в раскрытом саке, в бюро.

нест. и нест.

Дигби. Бритва у тебя в кармане.

Эл (пощупав карман). Спасибо. (Перекладывает бритву в сак.)

Дигби. Какое у тебя задание?

Эл. Прогулка над Средиземным морем с запасом горючего на шесть часов. Элементарная шестичасовая прогулка, ты не должна беспокоиться. Вылет завтра в восемь ноль-ноль.

Дигби. Разведка над Южной Францией. Скверное задание.

Эл. Но в штабе настаивают на нем.

Дигби. В штабе на нем не настаивают. Ты просто выклячил у Икерса этот полет.

Эл. Я бы выставил из штаба одного долговязого парня, который любит совать нос в чужие дела.

Дигби. Ты напрасно цепляешься к Дэну: он к тебе хорошо относится.

Эл. Я бы выставил из штаба всех, кто ко мне хорошо относится и шпионит за мной. В прошлом месяце Икерс мне подарил пять боевых вылетов, как ветерану.

Дигби. А этот ты у него выклячил, как попрошайка. Ты ведь прекрасно владеешь словом. Профессионально!

Эл. Истребителем я тоже пока владею профессионально.

Дигби. Это не одно и то же!

Эл. Если ты не поэт, ты не можешь взлететь, и, если ты не летчик, ты не можешь взлететь. Это совершенно одно и то же. Дигби. Неправда! В слове нет риска полета. Ты не превращаешься в утку, которую могут подбить.

Эл (не без иронии). Ты в этом уверена?

Дигби. Да.

Эл. Я думал, что в первом полете меня будут занимать направление ветра, состояние неба, мотор. Но в первом полете я сочинил Слово к людям. Когда я спустился с небес на землю, я обратился с этим Словом к мечанину. Сначала он испугался, что я попрошу у него денег. Но, узнав, в чем дело, усмехнулся тупыми плечами и сказал:

— О, сударь! У вас слишком высокая профессия. Ваше падение будет смертельным. Привяжите себя к небу лонжей.

Я переспросил:

— Лонжью?..

— Нет, лонжей! Не делайте из меня дурака. Я говорю то, что говорю, не больше. Лонжей! Вы слышите? Лонжей! Она вас вздернет обратно к небу. И вы будете плясать меж небом и землей, как и положено интеллигенту, на добровольной виселице ваших никому не пужных идей.

Тогда я обратился к бывшему безработному. Я знал, что теперь он хорошо ест, в местном профсоюзе у него неплохая работенка по стовору с хозяевами, но он сохранил острый оскал плечей как социальную традицию.

— Вы слишком далеки от народа, — сказали мне его острые плечи. — Народ вас не понимает. Вот, например, я! Из вашего Слова я не могу взять в толк ни одного слова.

— Быть может, — заметил я робко, — вам следовало бы окончить среднюю школу, хотя бы экстерном.

Я вовсе не хотел его обидеть. Но он ответил сухо:

— Я политически грамотен!

Он меня презирал социально. Если б у него было десять спин, он бы всеми десятью повернулся ко мне.

Тогда я обратился к богу.

— О, несуществующий! — возопил я. — Ко мне повернулись

цельности
нест.

спиной мещанин и бывший безработный. Конечно, я могу обратиться к другим, но где гарантия, что эти другие не окажутся мещанином и бывшим безработным? Ведь я не бог! Я только интеллигентный человек.

— Как интеллигентный человек и не бог, — ответил всевышний, — ты должен знать, что не боги горшки обжигают. Обжигай горшки! Обжигай горшки! Обжигай горшки! Горшок не слово, он имеет вес и практическое применение. Мещанин и бывший безработный обрадуются, что ты занялся делом, и станут хвалить твой товар. Бывший безработный будет считать тебя бывшим безработным, а мещанин — мещанином. Ты станешь, наконец, человеком. Обжигай горшки! Обжигай горшки! Обжигай горшки!

Пауза.

Дигби. Помнишь, что ты мне писал, когда работал на почтовых? «...Когда-нибудь мы покончим с работой и возвратимся в далекий, далекий край, чтобы начать новую жизнь. И в том краю нас ждут тысячи девушек...».

Эл. Извини, Диг, с девушками я перебрал.

Дигби. Ничего, «тысячи» девушек — это не страшно... Эл, не пора ли начать новую жизнь?

Эл. Обжигай горшки, Эл, обжигай горшки!

Дигби. Глупо!

Эл. Пожалуй. Но близко к истине. Если ты так хорошо осведомлена, ты знаешь, что это мой последний полет.

Дигби. Я знаю! Я знаю, что ты сам не можешь застегнуть комбинезон. Тебе его застегивают, и механики втаскивают тебя на пилотское место.

Эл. Привет Дэн!

Дигби. Хорошо, милый. Я могу это сделать немедленно. А заодно попрошу его отменить твой полет. *(Снимает телефонную трубку.)*

Эл. К черту Дэна! Если что-нибудь случится, генерал Икерс пригласит спиритов и получит от меня данные разведки через пляшущий столик.

Дигби *(кладет трубку)*. Тогда все в порядке. Ты прав: зачем мне волноваться, если ты так оптимистически настроен?.. Тебе не пора?

Эл. Ты успокоилась?

Дигби. Как видишь.

Эл. В пилотских комнатах испортился душ. Может быть, мне переночевать здесь?

Дигби. Ты ведь не любишь рано вставать.

Эл. Да, конечно, лучше на аэродроме. Но душ...

Дигби. Что-нибудь придумаешь.

Эл. Ты совершенно успокоилась?

Дигби. Совершенно.

Эл *(походив)*. Женщина все-таки должна волноваться в таких случаях.

Дигби. Женщина в таких случаях должна быть мужественной.

Эл. Кто тебе сказал? Я хочу, чтобы ты была женственной. Это мне гораздо приятнее. Пожалуй, мне действительно пора.

Дигби. Да, пожалуй.

Эл. Но ты абсолютно успокоилась?

Дигби. Абсолютно.

Эл. Это хорошо. Это очень хорошо. Хотя и противоестественно.

Дигби. Ты не забыл сигареты?

Эл. Нет. Но почему ты так спокойна?

Дигби. Просто я поняла, что сплю. И мне снится весь этот кошмар с твоим последним полетом. Я сплю. Очень хорошо, что я это поняла. Теперь я знаю, что самое главное — уснуть вовремя проснуться. И все опять обретет свой утренний смысл. Я тебе даже не скажу, что мне приснилось, будто ты выклянчил у Икерса еще один полет. Не скажу, чтобы ты в самом деле не пошел кланчить этот полет.

Эл. Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Эл. Я не хочу, чтобы ты с Дэнном пошла завтра в концерт. Он слишком симпатичен, чтобы тебе с ним ходить в концерты.

Дигби. Можешь позвонить и проверить. Ты уже вернешься с задания.

Эл. Я этого так не хочу, что я не стану звонить.

Дигби. Ты позвонишь.

Эл. Я не стану звонить. Можешь весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться: я не позвоню.

Дигби. Ладно. Я буду весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться, что ты не позвонишь.

Эл. Когда я вернусь, мы сами пойдем в концерт. И никого с собой не возьмем. Никаких посторонних! (Подносит руку ко лбу, словно мучительно вспоминая.) Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Эл. Я не хочу, чтобы ты с Дэном пошла завтра в концерт...

Дигби. Можешь позвонить и проверить.

Эл. Я этого так не хочу, что я не стану звонить...

Дигби. Ты позвонишь...

Эл. Я не стану звонить... Можешь весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться: я не позвоню...

Дигби. Ладно... Я буду сидеть у телефона, чтобы убедиться, что ты не позвонишь...

Эл. Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Эл. Я не хочу, чтобы ты...

Дигби. Можешь позвонить...

Эл. Я этого так...

Дигби. Ты позвонишь...

Эл. Я не стану...

Дигби. Ладно... я...

Эл. Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Эл. (кричит). Сегодня первое августа, и я сбил!!!..

Диг!

Он вынырнул откуда-то справа. У меня сдала раненая рука. Я был рад, что она сдала: сегодня такой день! Солнце не освещает море, а словно лепит его из собственного блеска. «Эй! — крикнул я. — Подожди! Зачем тебе беспокоиться? Меня собьют чуть подальше! Меня собьет следующий!..» Мне показалось, я узнал этого парня: это он впервые прочитал

Шекспира и написал ему письмо. Неужда?.. Какой же он неужда, если он уже прочитал Шекспира! Но он оказался следующим, тем, который чуть подальше. Он не читал Шекспира. Он просто нажал на гашетку и сбил меня...

Диг!

Линии моего полета и моря были всегда параллельны. Я бесконечно много летал над морем. Но параллели, уходящие в бесконечность, сходятся. Я попал в тот отрезок бесконечности, где параллели сходятся... Он неотступно идет за мной. Если он сейчас не пришлет меня второй очередью к воде — параллели сойдутся минут через десять. У меня будет десять минут. Огромных, гигантских десять минут! Кто сказал, что падение стремительно? Секунды стали большими, как в лупу. Разве жизнь уменьшилась до десяти минут?.. Десять минут увеличились до главного в жизни!.. Колдовство воспоминаний... Сейчас они обступят меня, и я им сдамся...

Я сдамся жизни, Диг!.. Хэлло, Диг!

Дигби (снимает телефонную трубку). Эл?

Эл. Я уже два дня на Корсике.

Дигби. Ты зайдешь?

Эл. Диг!.. Я был с Николь, два дня.

Дигби. Ты зайдешь?

Эл. Ты слышишь? Два дня я тебе не звонил и провел их с Николь.

Дигби. Да, слышу, ты зайдешь?

Эл. Ты святая?

Дигби. Не больше, чем ты.

Эл. Ты хочешь, чтобы я зашел?

Дигби. Хочу. Ты зайдешь?

Эл. Собственно, я позвонил, чтобы поссориться с тобой.

Дигби. Ну?.. Я жду.

Эл. Я должен сказать что-нибудь обидное?

Дигби. Ты уже сказал.

Эл. Ты имеешь в виду Николь?

Дигби. Нет, тебя.

Эл. Почему ты не бросаешь трубку?

Дигби. Зачем? Ты сам ее сейчас бросишь.

Эл. Никогда!

Дигби. Есть «никогда» на всю жизнь, серьезное «никогда». А есть куцее, как фокстерьер. Это «никогда» умеет только тявкать и прятать глаза. И у него обрубленный хвост.

Эл. Диг! Я повешу трубку!

Дигби. Вот видишь! Я даже не предполагала, что мои пророчества сбываются так скоро.

Эл. В конце концов, все имеет свои границы!

Дигби. Откуда тебе знать о границах? Ты их перелетаешь на высоте трех тысяч метров с легкостью парящего металла.

Эл. Металл сам по себе, а я сам по себе.

Дигби. Жаль. Мне казалось, что твой крылатый металл и ты — едины. Не признавайся хоть в том, что ты плохой летчик.

Эл. Ты определенно хочешь, чтобы я бросил трубку!

Дигби. Я хочу, чтобы ты приехал.

Эл. А Николь? Ты не ревнуешь?

Дигби. Разве можно ревновать к тому, в чем ты признаешься? Можно только пожалеть Николь. Или тебя. Или вас обоих.

Эл. Какого черта! Нам было хорошо. Нам было очень хорошо.

Дигби. Зачем же ты звонишь?

Эл. Чтобы поссориться с тобой.

Дигби. Без этого тебе не будет окончательно хорошо?

Эл. Не будет.

Дигби. Тогда приезжай. Я тебе устрою такую взбучку, что тебя придется сдать по рекламации в школу, где тебя научили летать. Если, конечно, еще не вышел гарантийный срок.

Эл. Срок давно вышел, тебе придется меня ремонтировать своими силами.

Дигби. Что, сдал руль высоты?

Эл. Сдал руль высоты.

Дигби. Я это сразу поняла, когда услышала про Николь.

Эл. Ты опять хочешь, чтобы я бросил трубку?

Дигби. Очень хочу. Мы с тобой хотя бы убедимся в том, что ты мужчина.

Эл. Ну, знаешь ли!..

Дигби (в трубку). Эл!.. Эл!.. (Медленно кладет трубку.)

Эл. Николь вообще не было.

Дигби. Я знаю.

Эл. Что ты знаешь?

Дигби. Я знаю тебя. Поэтому я знаю, что Николь вообще не было. Я знаю, что ты получил рискованное задание и хочешь со мной поссориться. На всякий случай, чтоб мне было легче. Знакомая песенка!.. Ты сейчас поедешь ко мне на такси и проклипаешь каждый светофор. Сейчас ты будешь здесь.

Эл. Диг!.. Давай твою взбучку.

Дигби. Какое у тебя задание?

Эл. Прогулка над Средиземным морем с запасом горючего на шесть часов. Элементарная шестичасовая прогулка, тебе нечего беспокоиться. Вылет завтра в восемь ноль-ноль.

Дигби. Разведка над Южной Францией. Скверное задание.

Эл. Но в штабе настаивают на нем.

Дигби. В штабе на нем не настаивают. Ты просто выключил у Икерса этот полет.

Эл. Я бы выставил из штаба одного долговязого парня, который любит совать нос в чужие дела.

Дигби. Ты напрасно цепляешься к Дэну: он к тебе хорошо относится.

Эл. Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Эл. Я не хочу, чтобы ты с Дэном пошла завтра в концерт.

Дигби. Можешь позвонить и проверить.

Эл. Я этого так не хочу, что я не стану звонить.

Дигби. Ты позвонишь.

Эл. Я не стану звонить. Можешь весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться: я не позвоню.

Дигби. Ладно. Я буду весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться, что ты не позвонишь...

Сегодня тридцать первое июля?..

Дигби молчит. *Сидит, ждет писем II.*

Эл. Сегодня первое августа, и через десять минут я взорвусь!

Диг!

Я с удивлением смотрю вниз, на море, куда должен упасть. Я бледнею и холодею от страха. Но в этом страхе нет ничего унижительного. Скорее, какое-то новое, невыразимое понятие. Как сказать: «Я понял море, я понял солнце»?.. И все-таки это именно то самое. В течение нескольких секунд я во всей полноте пережил ослепительное спокойствие этого дня. Дня, построенного прочно, как дом, где я только что был у себя, где мне было так хорошо и откуда меня вышвырнули простым нажатием пальца на гашетку. Кто этот тип?.. По какому праву?..

Появляется немецкий летчик.

Немецкий летчик. Я не прячусь. Просто я думал, что тебя все равно: у тебя десять минут.

Эл. И вся жизнь.

Летчик. Кинолента воспоминаний? Опасная игра, мне это знакомо. Под конец чертовски хочется жить.

Эл. Смерть — это тоже жизнь. Результат жизни. А мертвые живым глаза открывают. Так говорили у нас в Мадриде, тогда.

Летчик. А что еще вам оставалось?

Эл. Драться с вами.

Летчик. Чем дольше вы с нами дрались, тем больше мертвым живым глаза открывало. А эти живые увидели своими открытыми глазами марокканцев, ворвавшихся на Прадо. Муришь, амиго! У тебя осталась одна радость: дышать, пока не взорвешься.

Эл. Да, говорить с тобой не очень-то большая радость.

Летчик. Я не павязываюсь.

Эл. Это все равно был бы мой последний полет.

Летчик. Что, ветеран?

Эл утвердительно кивает.

Жена, дети?

Эл. Разве тебя это интересовало, когда ты пажал на гашетку?

Летчик. Нет. Тогда был приказ. Приказ изнутри, понимаешь?

Как реакция у шофера. А об этом я подумал после.

Эл. Поэтому ты сейчас летишь надо мной и не добиваешь?

Летчик. Мне показалось, ты выкрутишься. Парашют, а?

Эл. Я не могу сам выбраться из кабины. Я даже сам комбинезон застегнуть не могу.

Летчик. Меня тоже могут сбить. Через пять минут, завтра, через месяц...

Эл. Могут и не сбить.

Летчик. Как повезет.

Эл. Боишься?

Летчик. Ты ведь не боялся.

Эл. Боялся. Отчаянно боялся потерять все это.

Летчик. Зачем же ты полез в кашу? У вас свободнее, чем у нас. Ну, там, в смысле мобилизации...

Эл. Тогда бы я потерял себя.

Летчик. Да, ты прав. Я тоже.

Эл. Ты?!..

Летчик. Чему ты удивляешься? Ах да! Я — наци, фашист. Человек со свастикой вместо лица. Но мы с тобой двойники. Я тоже ветеран, я тоже в восемь ноль-ноль втиснулся в кабину, я тоже не могу сам застегнуть комбинезон. Мы с тобой оба сидим в истребителях и охотимся на ближних своих ради ближних своих. Линия фронта — огромное зеркало. Ты подходишь к нему, а тебе навстречу поднимается твой двойник. Это — я! Во мне отразились твои раны, твои руки, твои глаза... Но я первый успел нажать на гашетку.

Эл. Выходит, ты убил себя?

Летчик. А разве мы не самоубийцы? Простая логика, ты тоже к ней пришел.

Эл. К черту логику! Кто все это затеял? Кто затеял эту idiotскую игру в бомбы, в истребители, в искореженные города?

Летчик. Здесь небо, а не гимназический двор. Не устраивай детской свары «кто первый пачал». Все равно господин директор не выйдет из своего кабинета, чтобы поставить виновного в

угол. Даже господь бог не доконается до самого первого убийства. Остальные — только ответ на предыдущие.

Э л. На каждый ответ найдется возражение!

Л е т ч и к. Чем ты мне можешь возразить? Пулеметной очередью? Но я первый успел нажать на гашетку.

Э л. Девочкой. Трупом девочки. Фугас вырыл бессмысленный котлован, а убил только ее. Огромная страна напряженно работала несколько минут, чтобы перекрыть путь в будущее человеку с бантиком и прыгалками. Работали любящие матери и отцы, добрые дедушки и бабушки...

Л е т ч и к. Эй, послушай! После каждого вашего налета мы откапываем из-под развалин наших женщин и наших детей. Они тоже женщины и тоже дети!

Э л. Я не сторонник ответных мер.

Л е т ч и к. Но расплатился за них. Завтра расплачусь я. Вся война — одни ответные меры.

Э л. Легко живешь на войне!

Л е т ч и к. Похоже, ты знаешь что-то еще?

Э л. Знаю. Мы с тобой вышли из одного детства, нам читали одни и те же сказки, мы оба боялись темноты. А сегодня ты меня убил.

Л е т ч и к. Секунду — и я был в твоих руках. Тебя подвела реакция.

Э л. Меня подвело небо, высокое, как собор. В эту секунду я подумал, что тебя оно тоже подведет. Это была секунда, когда можно было остаться человеком. Ты остался убийцей.

Л е т ч и к. Зачем же ты клялчид полет за полетом? Зачем ты дрался со мной в Испании?

Э л. Я не могу быть героем непротивления.

Л е т ч и к. Помнишь бой под Гвадаррамой?.. Мы были молодыми ребятами и старались, чтобы как можно меньше ребят осталось в живых с другой стороны. А потом в одинаковых испанских кабаках или один и тот же мартель и танцевали одни и те же фоксы. Мы с тобой вышли не только из одного детства, мы с тобой вышли из одной молодости и пришли к одной зрелости: не я тебя, так ты меня.

Э л. Ты забыл о правосудии.

Л е т ч и к. Правосудие?.. Оно называется правосудием потому, что судьи всегда правы. Кто стал судьей, тот и прав. Подсудимый может только оправдываться. Я первым успел нажать на гашетку — я прав. Тебя подвело небо, высокое, как собор. Ты прозевал секунду, чтобы стать моим судьей.

Э л. Все равно, ты проиграл меня. Проиграл, как Мадрид, по которому ходишь. Проиграл, как Орадур, где ты сжег женщин, детей и стариков. Ты проиграл меня.

Л е т ч и к. Я выиграл и Мадрид, и тебя, и Орадур. Ты это отлично знаешь.

Э л. Ты проиграл Орадур. Пройдет лет десять, и в Орадур приедут немецкие дети. Это будет, я знаю. Их пригласят новые женщины и новые старики Орадура. Потому что волчата виновны в том, что они волчата. Разве они знают, что сыты от убийства?.. И тогда орадурцы положат руки на теплые головы детей и постараются вырастить на их лицах улыбку. Не чванливую улыбку маленьких властителей мира, а улыбку, которой расплачиваются, которой вознаграждают, которой дарят жизнь. Так произойдет акт правосудия. Ты проиграл Орадур. И еще я знаю, что русские солдаты очень скоро вернутся в ваши города и первыми кинутся спасать ваших детей из-под развалин. И это тоже будет акт правосудия. Ты проиграл Орадур, который сжег, ты проиграл Мадрид, по которому ходишь, ты проиграл меня, хотя и убил. Ты все проиграл, амиго!

Л е т ч и к. То, что ты говоришь, невозможно.

Э л. Так будет!

Л е т ч и к. Тогда я должен пустить мою машину вслед за тобой. И взорваться.

Э л. Так будет!

Л е т ч и к. Перестань! Или я прошью тебя второй очередью.

Э л. Мне кажется, ты сомневаешься в своей правоте. Иначе ты давно прошил бы меня второй очередью, а не летел за мной, как похоронная процессия.

Летчик. Я не сомневаюсь. За мысли, подобные твоим, я отдал в гестапо своего лучшего друга.

Эл. Его убили?

Летчик. Конечно, нет. Ему просто в концлагере вправят мозги. Он немец. Он вернется с вправленными мозгами.

Эл. Мозги не грыжа, их невозможно вправить.

Летчик. У нас умеют вправлять и мозги.

Эл. Ты это одобряешь?

Летчик. Немцы должны думать одинаково, иначе ничего не выйдет. Идея национал-социализма дает возможность думать всем одинаково. Это очень важно — не только ходить в погу, но и думать в ногу. В этом — сила нации.

Эл. Ты убил своего друга!

Летчик. Я его спас. И так поступил из любви к нему.

Эл. Я понял: у тебя в голове все перемешалось. Ты убийство называешь любовью, для тебя доброта — измена долгу. Ты все проиграл, амиго, ты проиграл в себе человека!

Летчик. Мне нельзя так думать! Слышишь? Нельзя! Если я начну мыслить хотя бы чуточку иначе, чем велено, я буду бояться ходить по улицам, сидеть в кафе, даже оставаться наедине с женой. Я смогу проговориться!

Эл. Даже с женой?

Летчик. Да, конечно... И тогда она будет бояться ходить по улицам, ездить в метро, стоять в очередях. Потому что она сможет проговориться. Нам нельзя мыслить иначе! Слышишь?.. Наверное, я был бы рад мыслить иначе. Я говорю «наверное» потому, что не пробовал мыслить иначе. Наверное, я был бы рад тебя не убивать. Я говорю «наверное» потому, что не пробовал не убивать. Я, интеллигентный человек третьего рейха, должен знать. Только знать! Знать свою миссию, свою машину и свое место.

Эл. Но ты только знаешь! Знать — это еще не признак интеллигентности. От знаний должна побежать дорожка собственных мыслей.

Летчик. Эта дорожка для меня закрыта. И по «на ремонт», а навсегда.

Эл. Но ведь сейчас ты мыслишь! Сам!

Летчик (*усмехнувшись*). В твоём воображении. Для меня это безопасно: тебя через десять минут уже не будет. К тому же — это неправда. Ты не успел первым пачкать на гашетку потому, что мыслил. Сам! А я — нет. Я только выполнил приказ. Значит, не мыслить — это остаться в живых. В человеке должны срабатывать только реакции. Человек велик реакциями, а не мыслями. Поэтому мы слабы, как никто. В чём твоя сила?

Эл. Моя?.. Я всегда надеялся. Несмотря на зепитный огонь, я надеялся. Несмотря на пламя Арраса, я надеялся. Несмотря на то, что ты пошел мне наперерез, я надеялся. Я надеялся безнадежно. Я возвращался памятью в свое детство, чтобы снова почувствовать его высокую защиту. Для взрослого нет защиты. Когда ты становишься взрослым — тебя пускают одного... Единственное спасение взрослых — стать для кого-нибудь взрослым. Это главное, на что я надеялся...

В луче света возникает лежащая на земле Джинни.

Эй, что с тобой? (*Поднимает ее.*)

Джинни. Спасибо.

Эл. Нога?

Джинни (*отрицательно мотает головой*). Меня изнасиловали.

Эл. Ого!

Джинни. Двое мальчишек. Дурачье! Сговорились изнасиловать какую-нибудь девочку, чтобы самоутвердиться. Только не знали, как это делается. Просто избили. Но убеждены, что изнасиловали.

Эл. Ты бы предпочла, чтобы они знали, как это делается?

Джинни. Тебе в другую сторону. Привет!

Эл. Откуда ты знаешь, в какую мне сторону?

Джинни. Потому что мне — в противоположную.

Эл. Извини, я не хотел тебя обидеть. Тебя как зовут?

Джинни. Если я тебе скажу «человек» — для тебя это все равно будет мало.

Эл. Напротив, так много, что я упаду перед тобой на колени и стану молиться.

Д ж и н и. Ты смешной! Но я все-таки пойду.

Эл. Куда ты?

Д ж и н и. В Даун-Таун. На Бауэри. Мне туда.

Эл. Бауэри?.. Такого места на земле нет.

Д ж и н и. Место препаршивое. Лучше бы его действительно не было.

Эл. Но его действительно нет.

Д ж и н и. Хорошо, тогда я пойду куда-нибудь еще.

Эл. Куда-Нибудь-Еще — это неизвестная страна. В ней можно заблудиться.

Д ж и н и. Если можно заблудиться, значит, можно и найти.

Эл. Тебе что, больно, что ты так рвешься куда-нибудь?

Д ж и н и. Неможно. Но мы уже сговорились: я пойду в Куда-Нибудь-Еще, заблужусь и что-нибудь найду. Адьё!.. Ты ведь француз?

Эл утвердительно кивает.

Летчик?

Эл. Как ты догадалась?

Д ж и н и. Крылышки из тебя торчат. Теперь таких, как ты, в Нью-Йорке много.

Эл. Разве мы в Нью-Йорке? Мы в Танжере.

Д ж и н и. Ты думаешь? (*Оглядывается.*) Я никогда не была в Танжере, но ты прав: это очень похоже на Танжер. Да, конечно, мы в Танжере! Значит, мне надо в танжерский Даун-Таун, на танжерскую Бауэри.

Эл. Я же тебе сказал: нет такого места — ни в Танжере, ни в Нью-Йорке, ни в Лондоне, ни в Париже.

Д ж и н и. В Париже, кажется, и для тебя нет места.

Эл. Помолчи!

Д ж и н и. Извини. Я не думала, что тебе это так. Я пойду.

Эл. Куда?

Д ж и н и. На Бауэри.

Эл. Так ты с Бауэри?

Д ж и н и (*усмехнувшись*). Нет, с другой планеты.

Эл. Слушай, я давно пошусь с идеей встретить человека с другой планеты.

Д ж и н и. Что же тебе мешает?

Эл. Его отсутствие.

Д ж и н и. Как же ты собираешься выйти из положения?

Эл. Очень просто: взять и встретить. Ведь если я его встречу — значит, он уже не будет отсутствовать.

Д ж и н и (*несколько растерявшись*). Да... конечно... как просто!.. Если ты некрасивая — взять и посмотреть в зеркало на себя... красивую. Как просто! Мне не приходило на ум.

Эл. Жаль, у меня нет для тебя зеркала.

Д ж и н и. Я сейчас... (*Тянется к сумке, отдергивает руку.*) Нет, я забыла его. Дома.

Эл. На своей планете?

Д ж и н и. Ага!

Эл. Может, зайдешь в туалет?

Д ж и н и. Там кривые зеркала: они отражают дурпушку.

Эл. Да, конечно! Уличные туалеты, что ты хочешь! Откуда там взяться настоящим зеркалам? Разве они смогут отразить Маленького Принца?

Д ж и н и. Какого Маленького Принца?

Эл. Маленькие принцы рождаются или в трущобах, или на других планетах.

Д ж и н и (*не без легкой иронии*). Ты прав: для тебя трущобы — это другая планета.

Эл. Прости. Я не это хотел сказать.

Д ж и н и. Ты хочешь играть в такую игру?

Эл. Это не игра. Людям очень не хватает именно Маленького Принца. (*Деловито.*) Ты с какого астероида прилетел в эту пустыню?

Д ж и н и. С астероида?.. Ты сказал — с планеты.

Эл. Астероид и есть небольшая планета.

Д ж и н и. Да-да, ты — летчик. Ты все знаешь про небо. С астероида В-612.

Эл. Страшно! Номер твоей планеты совпал с номером только что проехавшего автомобиля.

Джипп. Это — мираж. В пустынях и не такое случается.

Эл. Хочешь, я нарисую тебе шляпу? (*Рисует в воздухе.*)

Джипп. Разве это шляпа? Это удав, проглотивший слона.

Эл. Когда я был маленький, мне никто не верил, что это удав, проглотивший слона.

Джипп. Ладно. Я буду Маленьким Принцем. Должен же тебе кто-нибудь верить, что это удав, проглотивший слона.

Эл. Спасибо. А кто эти мальчишки?

Джипп. Сдругого астероида. С какого-нибудь В-12, не больше. Дурачье несчастное! Побоялись напасть на хорошенькую.

Эл. Я напишу, что ты прилетел с астероида В-612.

Джипп. Ты хочешь написать про него комикс?

Эл молчит.

Ты все равно напишешь про меня умнее, чем я есть на самом деле.

Эл. Какой же из этого выход?

Джипп. Просто мне придется быть умнее, чем я есть на самом деле.

Эл. Кажется, я в тебе не ошибся.

Джипп. Тебе не подвернулся никто другой. И приходится как-то выкручиваться.

Эл. Ты мне можешь?

Джипп. Я постараюсь. Все-таки я... женщина. Хотя ты и воображал меня Маленьким Принцем. И та, другая женщина... пу... твоя женщина... она будет тебя ревновать ко мне. Она сразу поймет, кто такой твой Маленький Принц.

Эл. Тссс!

Джипп (*шепотом*). Нет, женщину тебе не обмануть. Что там у тебя дальше придумано? Ну, после удава, проглотившего слона?

Эл. Тебя следовало бы отвести в детское кафе и напоить какао.

Джипп. Почему «следовало бы»? У тебя нет времени на меня?

Эл. Что ты, напротив! Много! Очень много!.. Как тебя зовут?

Джипп. Ты правильно меня окликнул.

Эл. Я крикнул «эй».

Джипп. Меня и зовут Эй. Джипп Эй.

Эл. А человек?

Джипп. Что — человек? → *с/кафе*

Эл. Ты сказала, что тебя зовут «человек».

Джипп. Я пошутила. Как меня могут звать человеком? Ведь людей на свете много, можно запутаться.

Высвечивается столик кафе. К Элу и Джипп подбегают рыжий официант.

Официант. Что угодно мисс? → *И мисс.*

Эл. Это не мисс, это Маленький Принц.

Официант. А!.. Я так и подумал. Но я хотел проверить. С астероида В-612?

Джипп. Да.

Официант. Как вы справились с баобабами?

Джипп. Откуда вы знаете?

Официант. У меня есть большой телескоп. Такой большой, что в него можно наблюдать даже такие маленькие планеты, как астероид В-612. Вы, конечно, хотите какао?

Джипп. Только, пожалуйста, очень маленькую чашку. У меня на планете все очень маленькое.

Официант (*кричит*). Огромную чашку какао!

Резербераторы за сценой повторяют на разные голоса: «Огромную чашку какао!.. Огромную чашку какао!.. Чашку какао!.. Огромную!»

(*Элу.*) Вы заплатите, как за самую маленькую.

Эл. Впервые вижу, чтобы хитрили на благо другим.

Официант. Извините!

Эл (*официанту*). Да у тебя хвост и рыжая шкура! И уши торчком.

Официант. Вы это видите?

Эл. Конечно!

Официант. Да, я Лис. С истинно человеческими устремлениями очень трудно остаться человеком. Чтобы сохранить в себе

*М
ч/л
серп*
266

человека, надо бесконечно хитрить. Так я стал Лисом. И у меня выросли хвост и рыжая шерсть.

Эл. Я этого не вижу. Просто я пошутил. Нельзя же так всерьез принимать каждую шутку.

Официант. Вы хитрите, чтобы меня не обидеть. Как жаль, что для этого надо хитрить. Вы тоже Лис.

Эл. И все мы живем в Лисляндии, где главный город Лиссабон...

Официант. К сожалению, страны Лисов нет. Мы живем разрозненно. И узнаем друг друга только тогда, когда начинаем хитрить для чьей-нибудь пользы.

И, Имя.

В луче света возникает нищий. Официант подбегает к нему.

Виски с содовой?

Нищий. Чистой содовой.

Официант. С чистым виски.

Нищий. Я сказал: чистой содовой!

Официант. Я понял: чистый виски.

Нищий. Я сказал: чистой содовой!

Официант. Все равно, вы будете представлять, что пьете чистый виски. Зачем представлять? У нас не театр. У нас серьезное заведение. Я вам принесу виски, а вы заплатите за содовую. Каждый останется при своем. Извините! *(Скрывается.)*

Эл. *(кивнув на нищего)*. Это тоже Лис?

Джинн. Это нищий.

Эл. Откуда ты знаешь, что это нищий? Быть может, это странствующая галактика, у которой еще нет названия?

Джинн. Кинь ему доллар, и ты увидишь, что это нищий.

Эл. А если я ему киню вопрос?

Джинн. Хорошо. Кинь вопрос. И если он окажется нищим, кинь доллар. Какой вопрос ты ему кинешь?

Эл. Самый простой: что вы тут делаете?

Нищий. Я?.. Я сейчас уйду.

Эл. Я не полицейский.

Нищий. Тогда другое дело! Если вы не полицейский, я вам отвечу совершенно честно: я сижу.

Эл. Это я вижу.

Нищий. Значит, вы хотите узнать то, чего не видите?

Эл. Я всегда к этому стремился.

Нищий. Только что я отменил проблему «быть или не быть».

Эл. А вы бы не могли объявить несуществующим Монблан?

Нищий. Безусловно. Просто сейчас в вашем присутствии я объявляю Монблан несуществующим.

Эл. Значит, Монблана нет?

Нищий *(делает широкий жест рукой)*. Как видите.

Эл. Но о Монблан разбился мой друг.

Нищий. Когда это было?

Эл. Года два тому назад.

Нищий. Вы пришли ко мне слишком поздно. Я ведь только что объявил Монблан несуществующим.

Эл. Можете восстановить Монблан.

Нищий. Вряд ли мне это удастся: отменить Монблан проще.

Эл. Значит, вы сидите и отменяете?

Нищий. Нет. Я болею всеми горестями мира.

Эл. Но это невыносимо! Джинн, ты могла бы болеть всеми горестями мира?

Джинн. Всеми сразу?.. Пожалуй, нет. Я бы утопилась.

Нищий. Но если я утоплюсь, кто тогда будет болеть всеми горестями мира?

Эл. Тогда поезжайте в Европу и деритесь с немцами.

Нищий. Но меня могут убить, а кто тогда будет болеть всеми горестями мира?

Эл. Тогда болейте всеми горестями мира и молчите об этом!

Нищий. Но тогда никто не узнает, что я болею всеми горестями мира.

Эл. И пусть!

Нищий. Не говорите так! Людям легче оттого, что они знают, что кто-то где-то болеет всеми горестями мира. Раз уже кто-то болеет — можно самому не болеть.

Джинн *(тихо)*. По-моему, пора кинуть доллар.

Э л. (тихо). Доллар не кидают поэтам.

Н и щ и й. (Элу). Да, вы правы: я пишу поэму. Но я ее никогда не напишу. Я графоман, так говорят издатели. Я могу ее только рассказывать. Моего героя зовут Трухильеро.

Э л. Он испанец?

Н и щ и й. Испанец? Я об этом не подумал. Нет. Пожалуй, нет. Его просто зовут Трухильеро.

Э л. Так же, как и вы, он болеет всеми горестями мира?

Н и щ и й. Нет. Он — это не я. Он просто не верит золотым надписям и мемориальным доскам. Однажды он пришел на прием в банк Ротшильда по золотой надписи «Вас примут от двух до пяти». Он пришел в два и ушел в пять. Его не приняли. В другой раз, в Стратфорде, он увидел мемориальную доску, где было написано: «Здесь родился, жил и работал Вильям Шекспир». Он вошел и посидел на кровати, в которой родился Шекспир. Он даже поскреб источенный червями стол, за которым Шекспир работал. Потом он прочитал ученый труд, где доказывалось, что Шекспира вообще не существовало. Тогда он стал сомневаться даже в надгробиях. Однажды он меня спросил: «Вот ты меня выдумал, а ты есть на самом деле?..» Что я мог ему ответить? Я сказал: не знаю.

Э л. Но ведь вы болеете всеми горестями мира!

Н и щ и й. Вы опять правы: если мне больно — значит, я существую! В следующий раз, когда я его увижу, я ему отвечу.

Э л. Разве вы с ним расстались?

Н и щ и й. Да. Он путешествует. Однажды в Бауэри он увидел садовые ворота с золотой надписью: «Уборной в нашем саду нет». Хозяева были явно негостеприимными людьми.

Д ж и н н. В Бауэри?.. Там нет ворот с такой надписью. Я никогда там не видела таких ворот.

Н и щ и й. Вы совершенно правы! Я тоже хорошо знаю Бауэри. Там действительно нет таких ворот. Но мы знаем Бауэри, а Трухильеро знает что-то совершенно другое. Он ищет золотые надписи, чтобы не поверить им. Он их находит даже там, где их нет. Но обязательно находит. Он не поверил и на этот раз. Он вошел. А что ему еще оставалось?

Ш) Д ж и н н. И тогда...

Н и щ и й. Тссс! Тут должна пачаться музыка! За этими воротами был Нью-Йорк. Он был и перед этими воротами, но за этими воротами он был таким, каким мы себе его и представить не можем... Шла женщина и несла на голову театр. И женщина была не богиней, а настоящей женщиной, и театр был настоящий: с артистами, продюсером, анонсами, аншлагами, критиками, доброжелателями и недоброжелателями. Не было только пьесы, которую играли бы артисты. А так все было. И женщина несла его гордо вперед. А у нее на голове сущился целый мир вокруг Ничего, потому что пьесы не было. Но жить-то надо! И критики критиковали это Ничего, недоброжелатели на него пападали, доброжелатели защищали, продюсер давал деньги и подсчитывал прибыль. Приходили зрители и говорили: ничего!.. И все делали вид, что зрители довольны: ведь «ничего» в устах зрителей почти похвала. А «ничего» было имепем сущестительным. Ничего!..

Д ж и н н и н и щ и й уходят в затемнение.

Д и г б и (подходит к Элу). Почему ты мне ничего не рассказываешь о девочке, с которой ты встречаешься у Рыжего Лиса?

Э л. У Рыжего Лиса?

Д и г б и. Да. В этом дешевом заведении в Даун-Тауне.

Э л. Я должен снова передать «привет» Дэну?

Д и г б и. Дэна еще нет. Ты забыл, милый. Дэн появится летом сорок четвертого, на Корсике, в Седьмой армии генерала Икерса.

Э л. Ах да!.. Прости. Теперь только сорок первый и Нью-Йорк, Нью-Йорк, Нью-Йорк, осточертевший Нью-Йорк и еще раз Нью-Йорк!

Д и г б и. Ты стал молчалив, и я боюсь тебя. Когда ночью я просыпаюсь рядом с тобой, спящим, мне кажется, что я брошена на пустынном берегу... Обними меня!

Ты — мой таинственный спутник.

Э л. Почему же таинственный?

Д и г б и. А это молчанье, когда я стараюсь разбудить тебя, заго-

вариваю с тобой?.. Я считаю секунды между своим вопросом и твоим ответом, как отсчитывают промежутки между молнией и громом во время грозы... Я надеюсь, грозы не будет?

Э л. Грозы не будет.

Д и г б и. Просто полежим молча?

Э л. Просто полежим молча.

Д и г б и. Это стучит твое сердце?

Э л. Что же во мне еще может стучать?

Д и г б и. Словно жесткий стук мотора. Или молота, который рупит породу.

Э л. Боюсь, что с молотом ты перехватила.

Д и г б и. Мне кажется, жизнь пронизывает нас, как поток. Головокружительное бегство. Тело — несущаяся пирога.

Э л. У тебя правильные географические ассоциации: пирога действительно возникла на этом континенте.

(Пауза. Бьет метроном.)

Который час?

Д и г б и. Зачем? Часы мелькают, как полуставки. Полночь... Час... Два... Они отброшены, их больше не будет. Это дорога без обратных билетов.

Э л. Разве стареть страшно?

Д и г б и. С тобой — нет. А мы старые?

Э л. Все-таки испугалась?

Д и г б и. Немпожко. Расскажи мне о твоей стране... Нет, нет, не о Франции. О стране, где ты бываешь, когда молчишь.

Э л молчит.

Или там уже поселилась эта девочка из Даун-Тауна?..

Э л молчит.

Ты боишься ее предать?

Э л молчит.

А меня ты не предаешь?

Э л. Нет. Тебе достаточно?

Д и г б и. Да.

Э л. Тебе уже не хочется узнать о моей стране?

Д и г б и. Но если там границы из колючей проволоки...

Э л. Там нет границ.

Д и г б и. А я там есть?

Э л. Есть.

Д и г б и. Мне достаточно.

Э л. Жаль.

Д и г б и. Что наступил рассвет? Конечно, жаль. Как ты меня называешь, когда молчишь?.. Нежной? Красивой?

Э л. Ты теплая, как зверь. Живая. Твое тело светится. И ты беззащитна, как сама жизнь.

Д и г б и. Что же я такое? Зверь или жизнь?

Э л. Уже рассвет.

Д и г б и. Да. Жаль. Меня больше не венчает твое желание. Женщина ночью — калиф на час. Я отвернусь к стене, чтобы ты не видел моего утреннего лица. Теперь ты, чистый, холодный, неподвластный телу, стоишь на носу корабля и держишь путь в открытое море.

Э л. Вечером еще была пирога. Когда мы успели пересечь на корабль?

Д и г б и. Не знаю. Который теперь год?

Э л. Не знаю.

Д и г б и. А век?

Э л. Двадцатый.

Д и г б и. Это точно?

Э л. Это точно.

Д и г б и. Какое у тебя задание?

Э л. Прогулка над Средиземным морем с запасом горючего на шесть часов. Элементарная шестичасовая прогулка, ты не должна беспокоиться... Сегодня тридцать первое июля?..

Д и г б и молчит.

не/та I и II мес. a/n
Немецкий летчик. Сегодня первое августа, и ты сбиг. Но ты напрасно тратишь время на ничего.

Э л. Моя память не подвластна военной цензуре третьего рейха.

Летчик. Нищего надо вычеркнуть из памяти. Непонятно, куда он клонит.

Эл. То, что тебе непонятно, ты считаешь вредным?

Летчик. Если мне попадет под руку английская книга, а я не знаю английского языка,— значит, эта книга не существует.

Эл. Книга существует. Просто ты не знаешь английского языка.

Летчик. Нищего надо вычеркнуть!

Эл. Да-да, конечно. Он мыслит «не в погу»! Сейчас он откроет мне истинный Нью-Йорк. Или Танжер. Или Лиссабон. Не тот Лиссабон, в котором живут Лисы, а другой. До которого можно долететь. Или доехать. Или дойти...

Нищий. ...Странный город, никакой перспективы, все кажется рядом. Человек в другом конце авеню, а ты его видишь, как будто он в двух шагах: и лицо, и глаза, и брит он или небрит — все видно. И вовсе он не кажется маленьким, а роста такого же, как и ты. Только не слышно, что говорит. Значит — далеко. И горизонта в этом городе нет. Какой же горизонт, если нет перспективы?.. Поэтому близкие люди здесь никак не могут договориться. Ведь это им кажется, что они близкие, а на самом деле они далекие: не слышат друг друга...

Вбегают официант с подносом.

Официант (*ставит высокий стакан перед Джинни*). Ваш виски... (*Ставит большую чашку перед нищим.*) Ваше какао...

Джинни. Но я не заказывала виски!

Официант. Совершенно верно: виски «Белая лошадь». Вы угадали.

Джинни. Я хотела какао, маленькую чашку.

Официант (*с гордостью*). Я же вам говорил, что у нас серьезное заведение, а не какой-нибудь театр!

Эл (*к Джинни*). Ты полагаешь, что какао — это напиток маленьких принцев? Но учти, в пустыне я очнулся после аварии оттого, что кто-то попросил меня нарисовать овечку. Это был ты, Маленький Принц. Ты попросил нарисовать овечку, а не подарить тебе какао. И я сразу понял, что ты с другой планеты.

Джинни. Что?.. Это, наверное, у меня от высоты заложило уши? Ты — летчик, с тобой — высоко! (*Официанту.*) Вам тоже высоко с ним?

Официант (*к Джинни*). Вы совершенно правы: Сони Хэли очень хорошо снялась в последнем фильме.

Джинни. Почему я ничего не слышу?

Нищий (*бормочет*). Странный город, никакой перспективы...

Джинни. Мы в Нью-Йорке? Или в Танжере?..

Нищий (*подзывает официанта, тихо*). Не хотите ли купить электробритву «Филипс»?

Официант. Нет-нет, завтра уже не будет так душно, на завтра обещали дождь.

Нищий. Почему за пятнадцать? За семь. Один доллар я беру комиссионных.

Джинни. Почему я ничего не слышу?..

Официант (*нищему*). Аспирин у нас нет. Но я могу сбежать в аптеку.

Нищий. Разве я сказал «Ремингтон»? Я сказал «Филипс». Вы слышите?.. (*Кричит.*) «Филипс»... Фирмы «Филипс»!..

*с светом выключается
слухом проносится звук*

ЧАСТЬ
ВТОРАЯ

Д ж и н и. Почему ты молчишь?.. Ты получил назначение? Ты не встретишь со мной сорок второй год?

Э л. (трасет ее за плечи, кричит в лицо). Сейчас сорок четвертый, и меня сбили! Я лечу к чертовой матери прямо в Средиземное море!.. Я только памятью с тобой, Джинни, последние минуты...

Д ж и н и. Почему ты молчишь?.. (Кричит.) Ты молчишь так, что у меня пересохло в горле!

Э л. Разве я молчу?

Д ж и н и. Да. Мне стало страшно. Когда ты молчишь, мне кажется, что ты падаешь в самого себя. Ты падаешь, а у меня кружится голова.

Э л. Я лечу на помойку, как сломанный стул, который уже нельзя починить...

Немецкий летчик. Это хорошо, что ты почувствовал себя вещью.

Э л. Хорошо?

Летчик. Если ты почувствовал себя вещью — значит, ты избавился от страха. Я рад за тебя.

Э л. Что за чушь лезет в голову?

Летчик. Это не чушь. Быть вещью гораздо удобнее. Что такое человек без костюма? Просто голый человек. А костюм без человека все равно костюм. И он гораздо честнее человека: на костюме всегда обозначена его настоящая цена.

Э л. Ты прав... Человека нельзя оценить ни в каком антиквариате. Все, что относится к человеку, нельзя ни сосчитать, ни измерить.

Летчик. Это хаос и беспорядок!

Э л. Это счастье и чудо нашей планеты! Как ты оценишь Сезанна, когда он встал перед этюдом? Он молчит, всматривается и

судит. Он спешит, он шествует гигантскими шагами, хотя сам он неподвижен. А его полотно бесконечно, как сама жизнь. Ты, костюм, на котором обозначена цена! Как ты измеришь чудо, когда светящийся мрамор Венеры становится светящейся плотью, трепетной и ждущей твоего взгляда, твоей теплоты?

Летчик. В каком заведении ты это видел?

Э л. (усмехнувшись). В заведении!.. Это было в городе, который называется Все-Равно-Где... За соседним столиком ужинала женщина. Она была в вечернем платье с глубоким треугольным вырезом на спине. Мне видны были только ее затылок, плечи и непроницаемая спина, по которой пробежал судорожный трепет. Трепет плоти, этой вечно восстанавливающейся и неуловимой материи. Женщина курила, опершись на руку и наклонив голову, и я видел лишь безликое тело.

Дигби. Я чувствовала твой взгляд, Эл!

Э л. Танцовщицы начали свой номер. Их паги были упруги, душа танца падела душой их самих. Мне нравился этот ритм, который держал их тела в непрерывном равновесии. Это равновесие могло ежеминутно нарушиться, но танцовщицы снова с поразительной уверенностью восстанавливали его. Они намечали образ, который вот-вот должен был завершиться и который на пороге этого завершения, на пороге смерти, переходил в новое движение и снова начиналась жизнь, равновесие тел, похожее на полет во сне... А передо мной была все та же загадочная спина, неподвижная, как озерная гладь.

Дигби. Я чувствовала твой взгляд, Эл!

Э л. Нет... спина тоже танцевала. Вот от какого-то жеста или мысли по озерной глади пробежало едва заметное волнение...

Дигби. Я просто чувствовала твой взгляд, Эл!

Э л. И была почь...

Джинни (зажимает уши). Я не хочу этого!

Дигби. Что же я, такое? Зверь или жизнь? Ты мне так и не ответил.

Э л. Уже рассвет.

Дигби. Да. Жаль. Меня больше не венчает твое желание. Женица почью — калиф на час. Я отвернусь к стене, чтобы ты не видел моего утрепного лица. Теперь ты, чистый, холодный, неподвластный телу, стоишь на посу корабля и держишь путь в открытое море. А я прибой, заливающий и животворящий тебя и вновь отступающий. Я зло, раздражающее тебя и отступающее. Я любовь, пришедшая к тебе и непреходящая вовек. Я — лазейка в темнице, я — ошибка в расчете, я — жизнь!

Летчик. Ты не должен так вспоминать. Ты просто не имеешь права так вспоминать! Ты был на грани того, чтобы почувствовать себя вещью. В этом было твое спасение. Но ты предпочел прикасаться кожей к раскаленным углям!

Эл. Ты думаешь, что тень твоего «Мессера» перечеркнула меня? Это всего лишь тень! А ты собираешь тени от слов и пытаешься ими оправдаться.

Летчик. Мне не надо оправдываться: я первым успел нажать на гашетку.

Эл. Ты без конца оправдываешься. Но тени от слов меня не могут убедить. Это тени, тени чувств, тени мыслей, тени слов. Ты не заметил, как сам стал огромной тенью, нависшей над живыми людьми. Ты страшен, но ты всего лишь тень. Слышишь?.. Всего лишь тень!

Летчик. Что ты кричишь?

Эл. Разве?.. Я часто пугаюсь теней и кричу на них.

Летчик. Мне жаль, что ты боишься меня и моей веры. Но это произошло потому, что ты не смог почувствовать себя вещью. Все дело в этом.

Эл. Я испугался один раз, тогда, в Мадриде. Я почувствовал, как над нами нависла тень твоей веры, тень бесчеловечности. Но испугаться один раз — это не значит бояться. Когда я понял, что ты такое, из меня сразу вырвался человек. Ты говоришь, в тебе отразились мои руки, мои глаза? Но человек не глаза, а взгляд. Человек не руки, а их действие. Мое действие — это я, больше меня нет нигде. Я — смерть врага, я — спасение друга. И смысл моего существования стал вдруг ослепитель-

но ясен: это мой долг, моя ненависть, моя любовь, моя верность. У нас с тобой они разные.

Летчик. Возможно. Но ты мне в них не отказываешь.

Эл. Тебе сделали прививки. Тебе привили ложный долг, ложную ненависть, ложную любовь, ложную верность. Тебя снасли от всех подлинных чувств.

Летчик. Ты уверен, что твои подлинные?

Эл. Они во имя человека.

Летчик. Моя вера — это прогресс человечества.

Эл. К прогрессу не ведут под конвоем, в прогресс не загоняют танками. Танковая дивизия СС «Мертвая голова» и совершенство рода человеческого несовместимы.

Летчик. «Немыслимо совершенство рода человеческого, который так боится стать совершенным». Это сказал даже не немец, это сказал англичанин Свифт. Вот видишь?.. Совершенство надо навязывать, тут не обойтись без танков. Люди должны стать прочными и полезными, как вещи. Телефонная трубка отдает приказания. Мундир получает ордена. Макинтоши пересекают площадь. Пиджак влюбляется в дамское платье. Мир движется к прогрессу.

Эл. Вы к этому уже почти пришли.

Летчик. Да.

Эл. Если бы прах умел мыслить и обладал активной силой, он все постарался бы обратить в собственное подобие. Полотна Веронезе, стихи Петрарки, музыку Моцарта... Всё! Разумеется, с точки зрения праха это был бы прогресс.

Летчик. И это говоришь ты?.. Ты — ты, а не я! — через несколько минут станешь прахом, над которым даже не пропуют «мир праху его»!

Эл. Подумаешь, тело! Да мне на него пачкаться! Я выброшен из него вон, и ничего мне не нужно! Когда оно разрушится, станет очевидным главное: человек — всего лишь узел отношений. И только отношения важны для человека. Ты думаешь, я не спрашивал себя перед каждым полетом, какими они будут, последние секунды?.. Теперь я знаю: я пере-

стал интересоваться собой, мне важно лишь то, к чему я причастен.

Летчик (*кричит*). Но мне тоже! Мы с тобой двойники!

Эл. Ты первым успел нажать на гашетку. А я причастен ко всему, что живет и выживет после тебя. Я причастен к жизни, слышишь? Я причастен к жизни!.. Джинн, пойдем гулять!

Летчик. Джинн, пойдем гулять!..

Эл. Ты хочешь вклиниться и в это?

Летчик. Твои воспоминания как темная комната. В ней бродят люди и стоят вещи, и не знаешь, на кого или на что натолкнешься. Почему в темноте девочка не может принять меня за тебя?

Эл. Она сразу почувствует разницу.

Летчик. Джинн, пойдем гулять!..

Джинн. И у нас будет цель?

Летчик. Конечно!

Джинн. А какая?

Летчик. Мы будем узнавать друг друга.

Джинн. Разве мы не знаем друг друга? Мы с тобой встречаемся уже почти год.

Летчик. Почти!

Джинн. И почти каждый день.

Летчик. Почти!

Джинн. Да, почти. Но все равно, это почти год и почти каждый день. А ты знаешь, почему ты мне назначаешь свидание всегда в четыре часа?

Летчик. Разве?

Джинн. Да, в четыре. Всегда в четыре. Почему?..

Летчик. Не знаю.

Джинн. И я не знаю.

Летчик. Может быть, мы с тобой первый раз встретились в четыре часа?

Джинн. Может быть.

Летчик. Я подумаю и постараюсь найти объяснение.

Джинн. А зачем? Четыре часа — это самое лучшее время. Это лучше, чем шесть, семь, десять, двенадцать...

Летчик. Почему же лучше?

Джинн. Потому, что в четыре часа ты мне назначаешь свидание. Почти целый год и почти каждый день. И всегда в четыре часа.

Летчик. Расскажи мне о вещах, в которых не признаются.

Джинн. Я соскучилась по твоим рукам. Я никогда их не знала, но я уверена, что я по ним соскучилась.

Эл делает рывок в сторону летчика, но летчик поднимает руку. Это можно принять и за останавливающий жест и за готовность прикоснуться к Джинн. Пауза.

Летчик (*к Джинн*). Теперь мне невозможно даже погладить тебя по голове.

Эл (*тихо*). Это неправда!.. Это было со мной, а не с тобой! С тобой так не могло быть!.. Это я сказал так, тогда...

Летчик. Да, да, конечно! А я должен был затащить девочку в какой-нибудь отель и по дороге еще прихлопнуть пару негров. Ты гордец, амиго. Ты вообразил себя человеком, а меня — костюмом, на котором обозначена цена. Ты поместил меня в эдакий вещевой зверинец и наслаждаешься своим превосходством. Какая я вещь?.. После каждого сбитого самолета я напиваюсь. После каждого удачного вылета ко мне за столик подсаживается сбитый мною летчик. И смотрит на меня. И я начинаю глушить спиртом его лицо. Потому что он ничего не говорит, он только смотрит. А я не могу вынести этого взгляда. Хотя знаю, что он просто не успел первым нажать на гашетку. А завтра успеет. И тогда он будет глушить спиртом мое лицо. Мы с тобой двойники, амиго. Я радуюсь, когда у меня неудачный поиск, когда я с кем-нибудь из вас разминуслся... Как быть с этим?

Эл. В небе всегда можно разминуться.

Летчик. Нет. Ты даже не заметил, что сам кинулся мне наперез. Не с надеждой же ты ко мне кинулся, хотя крылья самолета и похожи на распростертые объятия.

Эл. Разве можно отказаться от надежды?

Летчик. Не крути, амиго. Я знаю, ты меня не нравишься. Мои бомбы разворотили Аррас, я поджег церковь в Орадуре. Но я это делал без ненависти. Я просто это делал, я — солдат.

Эл. Убивать без ненависти — значит, быть убийцей, а не солдатом. Солдат всегда защищает. Я защищал от тебя Аррас, я оттащивал тебя от Сталинграда.

Летчик. Я тоже защищаю: русские действительно подошли к нашим границам.

Эл. Но перед этим ты разворотил Аррас, в Сталинграде не оставил камня на камне и поджег церковь в Орадуре!

Летчик. Ты ничего подобного не делал, ты только защищал. Но девочка не заметила подмены. Я не знал твоих слов, у меня возникли свои. Такие же, как у тебя. Я тоже не смог бы обмануть ее доверчивости... Как быть с этим?

Эл. Как быть с этим?.. Да, это было мое движение... *(Задумчиво.)* «Теперь мне невозможно даже погладить тебя по голове»...

Джинни *(берет его за рукав)*. И не надо! Ты мне испортишь прическу.

Эл. Что?.. *(Смотрит на Джинни, возвращаясь к ней.)* Ты сделала прическу?

Джинни. Конечно!

Эл. Зачем?

Джинни. Почему я не могу сделать прическу?

Эл. Можешь. Ты все можешь. Ты даже можешь мне поправиться.

Джинни. Правда?.. Поэтому я и делаю прическу. Уже почти год и почти каждый день. И всегда к четырем часам. А ты не замечал?

Эл. Нет.

Джинни. Но сейчас заметил?

Эл. Сейчас заметил.

Джинни. Почему?

Эл. Не знаю. Просто взял и заметил.

Джинни. Я колочусь о тебя, как муха о стеклу: все видно, но нельзя полететь, поужжжать в твоём мире. Я не хочу быть твоим Маленьким Принцем. Я хочу быть твоей девочкой, твоей женщиной.

Эл. Ты — Маленький Принц. И ты прилетел с астероида В-612.

Джинни. Не упираться, пожалуйста. Пусть я буду твоей женой, а?

Эл. Это невозможно. Моя любовь к тебе больше, чем любовь к жене: это любовь к миру, к людям.

Джинни. Я не хочу, чтобы к людям, я хочу, чтобы к одному человеку. Ко мне.

Эл. Это невозможно.

Джинни. Но почему?

Эл. Послушай, Маленький Принц...

Джинни. Я не принц!

Эл. Послушай, Маленький Принц!

Джинни. Да, я слушаю.

Эл. Самая прекрасная поляна — это та, которую ты еще не нашел: тебе кажется, что она вся усыпана земляникой. А самые лучшие слова — это те, которые я тебе еще не сказал...

Джинни. Я слушаю.

Эл. Я не могу быть с тобой, как с женщиной.

Джинни. Это те лучшие слова, которые ты мне только что еще не сказал, а теперь уже сказал?

Эл. Ты не знаешь, как мало в ласке отдаешь самого себя, ты не знаешь, как мало радости достается людям.

Джинни. Теперь знаю.

Эл. Ты думаешь только о себе!

Джинни. Я думаю не только о себе. Но о себе тоже. И теперь я знаю, что страдание — это почти друг. Оно ближе, чем радость. Между тобой и радостью всегда есть немножко пустоты. А страдание тебя сжимает в своих объятиях. Крепко. До слез.

Эл. Ты думаешь только о себе!

Джинни. А почему я не должна думать о себе?

Эл. Потому, что кругом люди.

Джинни. И мне должно быть стыдно?

Эл. Когда кругом люди, надо думать о людях.

Джинни. Но ведь они обо мне не думают! Почему я должна думать о них?

Эл. Потому что ты — Маленький Принц. Людей не должно обнимать страдание. Людей должна обнимать память о детстве, людей должна обнимать музыка. Просто музыка и не просто музыка. Потому что доброе узнавание мира — это тоже музыка. И она должна обнимать людей. Ты — Маленький Принц, ты — доброе узнавание мира. Очень важно, как узнавать мир. Можно его узнавать по змеям, по тарантулам, по фашистам, по болотам, по волчьей стае. А можно его узнавать по рассветам, по пересвистам щеглов, по дружеской улыбке, по стихам Петрарки. По тому, как человек, не умея плавать, бросается на помощь утопающему. Надо этим обнимать людей. И тогда люди узнают цену объятиям.

Д ж и н и. Ты говоришь как бог. Но бога нет.

Н и щ и й. Трухильеро встретился с богом.

Д ж и н и. Это неправда!

Н и щ и й. Это правда. Богословы подсунули Трухильеро книгу, где золотым по белому было написано: бог. Богословы всегда так: они ничего не могут доказать и хотят заставить людей поверить в золотые надписи. Но Трухильеро не поверил. И тогда к нему спустился бог. Бог презирал парашюты и считал их ненадежными, поэтому он спустился просто так, как бог. Он спустился и дал Трухильеро поцупать свою рубаху и край обтрепанной штанины. Но Трухильеро сказал, что сомневается не в штанах, а в боге. В штанах он не сомневается, он сам их носит. Разве можно усомниться в том, за что выкладываешь доллары? Тогда бог сказал, что за него тоже надо выкладывать доллары. При входе в храм. Трухильеро согласился выложить доллары, купить бога и поверить в него, как в собственные штаны. Бог рассердился, стал кричать и размахивать руками. Но тут спустился молодой бог. Он был приветлив, он был совершенен, он был равен самому себе, потому что никогда не сравнивал себя ни с кем и ни с чем. Он стал хватать за руки бога-отца и доказывать ему, что с людьми так не разговаривают. «Надо как-то иначе!» — задумчиво крикнул молодой бог, но тут же получил от старика оплеуху. И тогда хрипчатый негр Армстронг из джаз-банда под-

нял золотую трубу и затрубил в нее, как архангел. Он призывал богов к порядку. Молодой бог внял. Молодой бог любил джаз-банд. Молодой бог обнял старика, скрутив ему руки назад, и они вознеслись. И многие плакали от умиления, видя, как возносятся обнявшиеся боги. А Трухильеро стал сомневаться в объятиях: ведь если боги обнимаются и непонятно, объятие это или французская борьба, то что остается людям?..

Немецкий летчик. Ну? Что же ты молчишь? Все твои представления рушатся.

Эл. Разве можно отказаться от надежды?

Летчик. Да, у тебя еще есть последние минуты на парашют.

Эл. Я не о том. Парашют для меня бессмысленная тяжесть, я не вяжусь с собой.

Летчик. Значит, ты шел на все?

Эл. Конечно!

Летчик. И просто не успел первым нажать на гашетку.

Эл. Нет. Я все время жду человека оттуда, с вашей стороны. Когда я подлетаю к линии фронта, я действительно хочу, чтобы мне навстречу поднялся мой двойник. И мы с ним договоримся. Разве можно отказаться от надежды?

Летчик. У тебя осталась только одна надежда: что завтра собьют меня. А сегодня ты подсядешь ко мне за столик, чтобы посмотреть и молчать. И я буду глушить спиртом твое лицо... С тобой все кончено: слышишь, как стал захлебываться твой мотор?..

Начинают играть ударные инструменты, без мелодии, один ритм: неровный, захлебывающийся.

Эл (в отчаянии). Нет! Нет! Это не мотор! Это Рыжий Лис спрятался за дюны и курлычет свою песенку о человеколюбии! Должен же на земле кто-то любить людей?..

Протирая салфеткой стаканы, рыжий официант полунапевет под неровный, захлебывающийся аккомпанемент ударных.

О ф и ц и а н т.

В час, когда вьнут лампы
и за тучами
не видно звезд и луны,
на улицу выходят Лисы —
рыжие,
как электрический свет.

Они светят нищему
совсем не для того,
чтобы он увидел высохшую сточную канаву,
на которую набрел в темноте
и в которой уснул,
а для того,
чтобы он увидел, что уснул
в сточной канаве,
и побрел дальше,
в поисках случайной скамьи —
ложа,
которому мог бы позавидовать Людовик Четырнадцатый.
Конечно, при условии,
что он был бы не королем, а нищим.

Если Лисы осветят влюбленную парочку,
то обязательно
смущенно погаснут,
став на мгновение чериобурими,
и прокрадутся мимо,
как мягколапые
кусочки
ночи,
чтобы всныхнуть дальше,
там,
где заблудился пьяница
и не может найти дороги домой.

В час, когда вьнут лампы
и самоубийца
крадется к мосту
или достает пистолет,
предвкушая,
как он досадит неверной возлюбленной,
и перед тем,
как расстаться с жизнью,
злорадно присутствует на собственных похоропах,—
к месту возможной трагедии
кидаются Лисы —
рыжие, рыжие, рыжие! —
и каждая ворсинка их шкуры
освещает идюта,
чтобы его увидел полицейский инспектор,
прогнал с моста,
отнял пистолет
и вообще —
дал хорошего пинка.

В час, когда вьнут лампы
и за тучами
не видно звезд и луны,
на улицу выходят Лисы —
рыжие,
как электрический свет...

Д ж и н и. Послушай, а нельзя сделать так, чтобы ты его просто
выдумал?

Э л. Кого?

Д ж и н и. Маленького Принца. Просто взял и выдумал. А я оста-
лась бы с тобой.

Э л. Чтобы людям что-то дать, надо самому отказаться от самого
дорогого. Иначе твой дар не имеет смысла.

Д ж и н и (*подумав*). А ты знаешь, что я была матерью? Что у меня
умер сын? (*С вызовом.*) Ну? Теперь я не гоюсь тебе в Ма-
ленькие Принцы?

Э л (*на мгновение поверив*). Но ведь ты совсем-совсем девчонка!
Д ж и н и (*с гордостью*). Я — женщина! Только поэтому я смогла понять, что твой детский рисунок не шляпа, а удав, проглотивший слона.
Э л (*улыбнувшись*). Дети тоже смогли бы это понять. Ты — Маленький Принц.
Д ж и н и. Хорошо, я больше не стану спорить. Но это будет очень грустная книга. И многие поймут, что ты отказался от любви. Если бы они еще поняли, что это случилось ради них, ты был бы прав... Каким ты меня рисуешь? Ведь ты меня рисуешь на полях книги, правда?
Э л. Да... Мне жаль, что я тебя теряю, такую. Но, поверь мне, с этим уже ничего не поделаешь. Был слишком большой разгон для другого.
Д ж и н и. Можно сказать: мы приехали. И потерять сознание. Или умереть. Потому что главным, оказывается, была дорога. Мне грустно.
Э л. Мир не может существовать без грустных людей. Иначе он превратится в рекламу зубной пасты.
Д ж и н и. Грустные люди... Нарисуй мне, пожалуйста, в конце книги змею.
Э л. Зачем тебе играть со змеями?
Д ж и н и. Я не буду с ней играть. Я договорюсь, чтоб она меня ужалила. Только не больно. А остальное... сам знаешь.
Э л. Это шутка?
Д ж и н и. Нет. Только так я смогу вернуться на свой астероид под номером К-384.
Э л. В-612.
Д ж и н и. Все равно.
Э л. Я лучше нарисую тебе овечку.
Д ж и н и. Это вначале. А в конце — змею. Тебе же все равно надо будет со мной как-то развязаться. Даже когда я стану Маленьким Принцем, я все равно буду смотреть на тебя любящими глазами. А я знаю, как тяготят любящие глаза, когда сам не любишь.
Э л. Прости.

Д ж и н и. Не извиняйся. Все — о'кэй! Только не забудь нарисовать мне змею.

Э л. Я не нарисую тебе змею.

Д ж и н и. Как же ты меня отправишь обратно на астероид Д-284?

Э л. В-612.

Д ж и н и. Все равно.

Э л. Я сам отвезу тебя на твой астероид. На моем самолете.

Д ж и н и (*усмехнувшись*). Если бы ты смог взлететь так высоко, тебе не надо было бы превращать меня в Маленького Принца.

Э л. Ты все о том же!

Д ж и н и. Я сглупила, что сказала тебе так. Могу же я, в конце концов, тебя ревновать!

Э л. Я наделю тебя другой привязанностью. К какому-нибудь цветку. К розе, например.

Д ж и н и (*не без иронии*). И это будет счастливая любовь!

Э л. Роза постарается. Она будет очень стараться.

Д ж и н и. А как быть с ее шипами?

Э л. С шипами? Я забыл про них. Пусть это будет роза без шипов.

Д ж и н и. Пусть. Но тогда это не будет роза.

Э л. Пожалуй. Роза без шипов — не совсем роза. Ну что же! Пусть будут шипы.

Д ж и н и. Пусть будут. Я все равно удеру к тебе... Слушай, сделай меня своей женщиной, даже не любя, а?

Э л. Ты этого не примешь.

Д ж и н и. Да. Пожалуй, не приму.

Э л. Вот видишь!.. Надо успокоиться, просто надо успокоиться. Надо прижаться лбом к оконному стеклу и посмотреть на уличное движение. Это успокаивает.

Д ж и н и (*ревниво*). Ты это уже говорил!

Э л. Разве?

Д ж и н и. Ты это говорил не мне! Я знаю!

Д и г б и. Э! Я прижалась лбом к оконному стеклу и смотрю на текущий мимо людской поток. Ты прав, это успокаивает. Я в стороне от этого потока. У каждого свои планы, каждый торопится. Вот прошла женщина... десять шагов — и она ушла

в бесконечность. Ей вслед обернулся мужчина. Всем корпусом, неожиданно для самого себя. Но ее уже нет. И он пошел своей дорогой. Куда?.. Откуда я знаю. В свою бесконечность. У каждого своя бесконечность, Эл. Я жду твоего звонка. Или твоих писем. Или тебя... Это — моя бесконечность. Мы с тобой живем параллельно.

Э л. Параллели пересекаются, Диг. Они пересекаются в бесконечности.

Д и г б и. Это надежда? Или снова обман?

Э л. Надежда — это тоже бесконечность, Диг.

Д и г б и. А обман?

Э л. молчит.

Я знаю твою бесконечность: это бесконечное любопытство к каждому новому цветку, к каждой новой девочке, к каждой новой машине. Но тебе от всех достается! От новых машин, на которых ты уже столько раз терпел аварии. От девочек. Даже от цветка. Помнишь, ты мне писал, как тебя укусила цветок?

Э л. Там сидела пчела, я не заметил.

Д и г б и. Ты мне писал, что тебя укусила пчела. И серовал на то, что в мире, оказывается, есть недобрые цветы.

Э л. Цветок рассердился и укусил меня пчелой. Правильно сделал: нечего мне было совать нос куда не следует.

Д и г б и. А ты сунул нос?

Э л. Я сунул нос.

Д и г б и. То-то твое письмо примчалось вприпрыжку! Оно в мановение ока перелетело через реки, горы, моря... Когда оно влетело ко мне, оно никак не могло отдышаться... Господи, какой ты у меня слабенький человек!

Э л. Ты знаешь, я не выпущу жалости.

Д и г б и. Это и говорит о твоей слабости. Сильные люди любят, когда их жалеют. В этом тоже частица их силы. Они все обращают в силу, даже свое унижение. У них так устроен организм, что все перерабатывает в силу. В силу духа, разумеется.

Э л. Моя сила в том, что я тебя любил всегда. Твоя слабость в том, что ты меня полюбила, только узнав об этом...

Д ж и н и (*трясет его*). Почему ты опять молчишь?! Ты где?

Э л. Я здесь. Дай-ка мне твои пальцы... Чувствуешь?

Д ж и н и. Да.

Э л. Кажется, ты победила. Ты мне нужна... такая.

Д ж и н и (*обессиленно опускается, глухо*). Ты меня убил.

Э л. Но ведь ты этого добивалась!

Д ж и н и. Да. Но я понимала, что это безнадежно. Я жила мечтой.

Я представляла, как это произойдет, но я знала, что это никогда не произойдет. Я не привыкла получать то, о чем мечтаю. А вот сейчас это случилось. И это, оказывается, убивает.

Э л. Я сказал что-то не так?

Д ж и н и. Ты хочешь сказать, что случилось не так, как я себе представляла? Нет, все случилось именно так. В мечте ты должен был мне сказать: «Дай-ка твои пальцы... Чувствуешь? Кажется, ты победила. Ты мне нужна... такая». А теперь у меня внутри высота, как ты рассказывал: звезды колючие, а сердце ничего не весит. Я не думала, что смогу испугаться в такой день. То, что ты сказал... это землетрясение, это астероид врезался в землю.

Э л. Астероид В-612?

Д ж и н и. Боже, какая разница? Пусть будет В-612.

Э л. Землетрясения не было. Просто астероид В-612 так близко прошел от Земли, что Маленький Принц успел соскочить с астероида и оказался в пустыне. Там он встретил Лиса.

Д ж и н и (*смотрит на него*). Взрослого, мудрого Лиса?

Э л. Я не хочу, чтобы рядом с тобой в пустыне был взрослый, мудрый Лис. Нет, нет! Пусть это будет Лисенок. И первое, что он у тебя спросит, — это есть ли куры на твоей планете.

Д ж и н и. Нет, кур нету.

Э л. Ах! — вздохнет маленький Лис. — Нет в мире совершенства, даже на других планетах... Приручи меня, пожалуйста. Пожалуйста, приручи меня!

Д ж и н и. А как это — приручить?

Э л. Это давно забытое понятие, — объяснит Лис. — Оно означает: создать узы. У меня очень скучная жизнь. Я охочусь за курами, а люди охотятся за мной. Но все куры одинаковы, и люди все одинаковы. А если ты меня приручишь, я стану различать твои шаги среди тысяч других. Когда я слышу людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка. И потом — смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру... Пожалуй-ста, приручи меня!

Д ж и н и. Я бы с радостью. Но я тороплюсь в Куда-Нибудь-Еще, чтобы успеть Что-Нибудь найти. Мне надо найти друзей и узнать разные вещи.

Э л. Узнать можно только те вещи, которые приручишь, — скажет Лисенок. — А у людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями? И поэтому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!

Д ж и н и. А что для этого надо делать?

Э л. Надо запастись терпением. Сперва сядь вон там, поодаль. Вот так. Я буду на тебя искоса поглядывать, а ты молчи. Слова только мешают понимать друг друга. Но с каждым днем садись немножко ближе. И лучше приходи всегда в один и тот же час. Вот, например, если ты будешь приходить в четыре часа, я уже с трех часов почувствую себя счастливым. И чем ближе к назначенному часу, тем счастливее. В четыре часа я уже начну волноваться и тревожиться. Я узнаю цену счастью! А если ты будешь приходить всякий раз в другое время, я запутаюсь, к какому часу готовить свое сердце. Нужно соблюдать обряды.

Д ж и н и. А что такое обряды?

Э л. Это тоже нечто давно забытое. Нечто такое, отчего один какой-то день становится непохож на все другие дни, один час — на все другие часы.

Д ж и н и. Но ведь когда-нибудь я скажу: мне пора!.. Что ответит маленький Лис?

Э л. Маленький Лис ответит: я буду плакать.

Д ж и н и. Ты сам виноват, что захотел приручиться.

Э л. Да, конечно.

Д ж и н и. Но ты будешь плакать!

Э л. Да, конечно.

Д ж и н и. Значит, тебе от этого плохо?

Э л. Нет, мне хорошо. Вспомни, что я говорил про золотые колосья.

Д ж и н и. Кажется, мне пора.

Э л. По дороге взгляни на розы, и ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире. А я тебе открою важный секрет: зорко одно лишь сердце. самого главного глазами не увидишь.

Д ж и н и. Прощай, Лисенок. Глупый, незащищенный Лисенок. Но ужасно мужественный. Чтобы так любить людей, надо быть ужасно мужественным.

Э л. Я сразу догадался, что ты — Маленький Принц. И что ты с другой планеты.

Д ж и н и. С астероида Б-374.

Э л. В-612.

Д ж и н и. Да. В-612.

Э л задумался.

Ты сейчас со мной?.. Или еще с кем-нибудь?

Э л. Я один.

Д и г б и. Почему, когда ты со мной, ты один?

Э л. Я не один, я с тобой.

Д и г б и. Ты один.

Э л. *(усмегнувшись)*. Мы с тобой вместе, как Понтий и Пилат, как Христос и воскрес, как молния и гром.

Д и г б и. Молния?.. Она похожа на заломленные руки. У нее тра-

гедия: гром всегда чуть-чуть отстает от нее. Они никак не могут побыть вместе.

Эл. Почему же трагедия? Просто гром, как мужчина, пропускает ее вперед.

Дигби. Чтобы побыть одному?

Эл. Человек не может остаться один. Никогда. Хотя бы потому, что наедине с самим собой он все равно вспоминает людей.

Официант. Или Лисов. Почему бы ему не подумать наедине о Лисах?

Дигби. Когда ты со мной — ты один. И вспоминаешь людей. Или Лисов. Я прочла начало твоей сказки. Маленький Принц — это девочка из Даун-Тауна?

Эл. Маленький Принц — это Маленький Принц.

Дигби. Ты вложил в него женскую душу. Нежную, любящую, страдающую женскую душу, которую ты украл у девочки из Даун-Тауна.

Эл. Маленький Принц влюблен в свою розу.

Дигби. Девочка из Даун-Тауна любит тебя. Я мгновенно поняла это. А у розы твой характер: она фантасерка, эгоистка и капризуля. Типичный мужской характер. Нехорошо изображать себя в виде розы, Эл. Нескромно. Какая ты роза? Ты просто обманщик. Какое у тебя задание?

Эл. Прогулка над Средиземным морем с запасом горючего на шесть часов. Элементарная шестичасовая прогулка, ты не должна беспокоиться.

Дигби. Разведка над Южной Францией. Скверное задание.

Эл. Но в штабе настаивают на нем.

Дигби. В штабе на нем не настаивают, ты опять говоришь неправду. Ты просто выклянчил у Икерса этот полет.

Эл. В прошлом месяце Икерс мне подарил пять боевых вылетов, как ветерану.

Дигби. А этот ты у него выклянчил, как попрошайка. Ты ведь прекрасно владеешь словом. Профессионально!..

Джинни (берет его за рукав). Ты меня бросил?

Эл. Я тебя бросил, как письмо к людям. Разве письмо не дошло по адресу?

Джинни. Письмо дошло. Меня запечатали в тысячи книжек, меня прихлопнули радостными переплетами. Я, как кусочек мебели, стою на книжной полке. Письмо дошло! Меня снимает с полки волосатая мужская рука, когда этот мужчина хочет понравиться мяукающей женщине. Они оба делают вид, что очень поэтичны, и оба мяукают. Потом он хватает ее за коленки, а меня утром горничная подбирает с полу. Письмо дошло. Теперь все знают, что твой детский рисунок — это не шляпа, а удав, проглотивший слона. Все знают.

Эл. Когда люди делают вид, что они поэтичны, они на самом деле чуть-чуть поэтичны. Все дело в «чуть-чуть». Понимаешь? Все дело в «чуть-чуть»! «Чуть-чуть» — это самое волшебное слово. Разве может один человек сделать все на свете? Конечно, нет! Он делает чуть-чуть. И мы с тобой чуть-чуть приблизили людей к настоящей радости.

Джинни. Но только чуть-чуть!

Эл. Но зато к радости!

Джинни. А что такое радость?

Эл. Я бы многие слова заменил словом «радость». Например, слово «работа». Не «радость работы», а просто «радость»... «Чем ты занимаешься?» — «Радостью, я выращиваю цветок». — «Чем ты занимаешься?» — «Радостью, я строю дом». — «Но с тебя пот градом!» — «Конечно, строить дом — нелегкая радость. Но какая это радость!..»

Джинни. У злых людей тоже есть свое «чуть-чуть».

Эл. Их «чуть-чуть» — это песчинки.

Джинни. Но песчинка к песчинке — и пустыня!

Эл. Конечно. Мы с тобой и встретились в пустыне. Но зато наше с тобой «чуть-чуть» — это капля. Капля к капле — и море! Голубая волна, которая захлестывает пустыню. А если мы рассердимся — наши капли станут штормовой водой. И мы сотрем пустыню с лица земли. Слышишь? Сотрем!

Джинни. Но пока ты задыхаешься в пустыне. Задыхаешься, разве я не вижу? Со всеми своими голубыми «чуть-чуть».

Эл. Ты права: «пока»!..

Джинни. Ты неисправим! Ты задыхаешься в пустыне!

Э л. Мне очень жаль, что ты сердишься. Но тот, кто не прав, всегда сердится.

Д ж и н. Есть люди, лисы и вещи. Из них людьми остались только лисы. Ты сам говорил.

Э л. Иди в страну Лисов.

Д ж и н. Ты же знаешь, что ее нет.

Э л. Тогда надо остаться с людьми.

Д ж и н. И попытаться сделать из них лисов?

Э л. Нет. Попытаться сделать из них людей. Даже Трухильеро не сомневается в людях, он сомневается в золотых надписях.

Д ж и н. Трухильеро усомнился в объятиях!

Э л. Он прав. Когда обнимаешь человека, нельзя заламывать ему руки назад. Даже если этот человек — бог. И не забывай, что ты умеешь летать на птицах. Это очень важно — уметь летать на птицах.

Д ж и н. Да, ты меня нарисовал в комбинезоне, с развевающимся шарфом, и я лечу на птицах. А Трухильеро умер.

Э л. Трухильеро умер?

Н и щ и й. Его потушили. Правда, потом пожарники плакали большими пожарными слезами, но это было, скорее, по традиции. Он умирал в том Нью-Йорке, который был за садовыми воротами. Странный город, никакой перспективы... Шла женщина и несла на голове театр. Бог-сын и бог-отец скапдалили где-то наверху. Над ним кто-то склонился, но Трухильеро не пожелал его отразить в своих глазах. Трухильеро не хотел никого видеть. Последняя мысль остановилась на запятой. А главное — там, за запятой, в архитектурном построении вопросов и сомнений. За этой запятой храм мысли, куда он уже не войдет. Храм со светом и тьмой в углах. Собор! Как мало значения люди придают запятым, а ведь за ними всегда главное... Он умер, так и не отразив в своих глазах никого из окружающих. Некто, у кого не было мыслей с запятыми, мыслей с продолжением, посмотрел на него с жалостью. Некто был уверен, что он выше Трухильеро, потому что предпочитал короткие мысли. От точки до точки. Когда в конце корот-

кой мысли стоит точка — можно умирать и не беспокоиться о том, что что-то осталось недодуманным. Некто был скуп на мысли, на деньги и на слова. Его надгробная речь была очень короткой. «Трухильеро сомневался всю свою жизнь, — сказал он, — но Трухильеро был не прав в своих сомнениях: в нашем саду уборной действительно нет!»

Немецкий летчик. Посмотри на небо! Ты его видишь в последний раз!

Э л. Для меня небо — чернильница с голубыми чернилами. Я макаю в нее перо, но подчас бегут черные строчки. Бросить перо?.. Никогда! Пусть черное будет черным. Ты написан черными чернилами.

Летчик. Просто у тебя своя правда, у меня — своя. В этом все дело. Разве можно идти на смерть во имя чего-то иного, кроме правды? А мы с тобой идем. Оба.

Э л. Две правды?.. Нет. (Усмехнувшись.) Но мы с тобой действительно поднялись в небо как апостолы двух разных вер.

Летчик. И бросаем слова на ветер.

Э л. Разве только слова?.. Ты еще успел и нажать на гашетку.

Летчик. Это был приказ изнутри. Понимаешь? Как реакция у шофера. С этим уже ничего не поделаешь, теперь можно только бросать слова на ветер.

Э л. Я бы хотел, чтобы мои слова были как семена, пущенные по ветру.

Летчик. В таких семенах много песка.

Э л. Земля сумеет распознать зерно... Жаль, что ты написан черными чернилами. Но тебя не сотрешь. Можно только перевернуть страницу... Сегодня тридцать первое июля?

Дигби. Тридцать первое, Эл.

Э л. Я не хочу, чтобы ты с Дэном пошла завтра в концерт.

Дигби. Можешь позвонить и проверить, ты уже вернешься с дания.

Э л. Я этого так не хочу, что я не стану звонить.

Дигби. Ты позвонишь.

Э л. Я не стану звонить. Можешь весь вечер сидеть у телефона, чтобы убедиться, что я не позвоню.

Дигби. Ладно. Я весь вечер буду сидеть у телефона, чтобы убедиться, что ты не позвонишь.

Эл. Пожалуй, мне пора.

Дигби. Да, пожалуй.

Эл. Но в пилотских испортился душ...

Дигби. Что-нибудь придумаешь. Вылет завтра в восемь ноль-ноль?

Летчик. Вылет завтра в восемь ноль-ноль... (Элу.) Видишь, я оказался и на следующей странице.

Эл. Ты ошибаешься. Я листаю мою книгу вразброд, это страница предыдущая. На следующей тебя уже не будет.

Летчик. Но и тебя тоже. А вдруг на следующей мы бы договорились?

Эл. Возможно. Но ты успел нажать на гашетку.

Летчик. Да. Теперь ты подсядешь ко мне за столик, чтобы смотреть и молчать. Даже если я спрошу, ты не ответишь, и мы ни о чем не договоримся. Я просто буду глушить спиртом твое лицо. Но с этим уже ничего не поделаешь: вылет завтра в восемь ноль-ноль.

Эл. Вылет завтра в восемь ноль-ноль.

К Джинн подбегает официант.

Официант. Еще какао? (Обмазывает салфеткой столик.) Я из той главы, где вы встретились с Лисом.

Джинн. Да-да, у вас хвост и рыжая шкура. И уши торчком.

Официант. Позвольте приветствовать вас в нашей пустыне!

Начинает играть джаз все громче и громче.

Слышите, какая тишина?..

Джинн. Мы в Нью-Йорке? Или в Танжере?

Официант (стараясь перекрыть джаз). Слышите, какая тишина?

Джинн (кричит). Да!.. Приходится все время говорить шепотом! Кажется, если заговоришь громко, кому-то помешаешь. Хотя здесь никого нет!

Официант (кричит во всю мочь, перекрывая разбушевавшийся джаз). Так тихо бывает только в очень больших пустынях, наша — самая большая!..

плакание Кисецево
Джаз резко смолкает, остается только голос трубы.

Инциий (прислушивается к трубе). Это хрипчатый негр Армстронг, черный архангел Армстронг! Это его золотая труба!.. Да-да, он зовет Трухильеро назад. Должен же кто-то, наконец, усомниться в этом мире?!

Конец

1967—1970 гг.